Мария Ерофеева

Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения

Данная статья содержит аргументацию того, каким образом теория фреймов И. Гофмана может быть использована для построения модели коммуникации, с помощью которой можно анализировать коммуникации во внешне похожих контекстах. Автор использует метафору присутствия/отсутствия, для того чтобы прояснить, какие элементы задействованы в транспонировании (трансформации контекстов). В результате автору удается включить ключевую категорию фрейм-анализа — вовлеченность — в качестве элемента модели, тогда как в большинстве случаев вовлеченность и транспонирование рассматриваются по отдельности. В заключение осуществлена конкретизация предложенной модели коммуникации с помощью представления ее формальной записи.

*Ключевые слова: анализ фр*еймов, теория фреймов, Ирвинг Гофман, модель, коммуникация, взаимодействие, контекст, присутствие, вовлеченность, медиация, фабрикация, транспонирование, формализация, математическая запись.

Конвенциональной моделью коммуникации в социологии является ее представление в виде коммуникативной цепочки. Ее элементами являются источник коммуникации, канал передачи информации, реципиент и обратная связь [Конецкая, 1997]. Формализм данной модели не позволяет анализировать специфику коммуникативного процесса. С помощью идентичных элементов описываются разные по смыслу коммуникации. Одна и та же фраза, произнесенная и услышанная одними и теми же лицами, может иметь разное значение в зависимости от обстоятельств. Вопрос о состоянии здоровья, обращенный к человеку, только что пережившему сложную операцию, несет в себе иной коммуникативный смысл,

Ерофеева Мария Александровна — слушатель совместной программы МВШСЭН и философско-социологического отделения ФГУ РАНХиГС. Научные интересы: социологическая теория, социология повседневности, теория фреймов, акторно-сетевая теория.

нежели тот же самый вопрос, заданный из вежливости. Различие между этими двумя коммуникациями будет отражено в модели разницей обратной связи. Однако обратная связь сама по себе еще ничего не говорит о специфике коммуникации.

Одним из подходов, с помощью которого можно исследовать формы повседневной коммуникации, является фрейм-анализ. Его преимущество заключается в том, что он позволяет включить ситуацию в качестве элемента коммуникативной цепочки. Это должно способствовать совершенствованию модели коммуникации в содержательном аспекте. Теория фреймов, берущая свое начало в теории коммуникации, в социологии была развита в первую очередь Ирвингом Гофманом [2004]. Целью данной статьи является построение модели коммуникации с опорой на теорию фреймов Гофмана.

Контекст коммуникации

Гофман представляет участников коммуникации как рефлексивных акторов, в каждой новой ситуации отвечающих на вопрос «Что здесь происходит?». Ответ на него основывается на применении одной или нескольких систем фреймов. Фрейм, согласно Гофману, можно описать при помощи двух элементов: способа социальной организации событий и субъективной вовлеченности (involvement) в них. Эта двойственность обосновывается принимаемым за аксиому тезисом об «изоморфизме восприятия структуры воспринимаемого» [Гофман, 2004, с. 71, 86]. Структура ситуации и способ ее распознавания подразумевают большой потенциал «сцепления». Мы воспринимаем события тем или иным образом, потому что они уже являются определенным образом осмысленными [Вахштайн, 2011, с. 183][1]. Наше осмысление накладывается на первоначальную осмысленность ситуации, в результате чего происходит интерпретация. Фрейм соответственно понимается одновременно и как схема интерпретации, и как структура ситуации. Фрейм-аналитическая модель коммуникации, следовательно, будет включать интерпретацию смысла коммуникативной ситуации с помощью фреймов.

Если воспользоваться трактовкой фреймов Гофмана в качестве обобщенного обозначения контекстов, можно рассматривать смысл деятельности как включенность в контекст. Внешне похожие ситуации могут быть проинтерпретированы по-разному, однако процесс

1 В. Вахштайн предлагает использовать метафору мрамора: материал повседневности неоднороден; его структура, как структура камня, прожилки в мраморе, облегчает один способ восприятия и затрудняет иные.

фреймирования происходит не по произволу наблюдателя. Знаковые компоненты коммуникации могут послужить наблюдателю в качестве маркеров фигуративности — указаний на то, как именно нужно воспринимать наблюдаемую деятельность [Вахштайн, 2011, с. 162, 163]. Ошибки при вождении автомобиля будут расцениваться более снисходительно другими участниками дорожного движения при наличии указания на неопытность водителя — восклицательного знака на машине. Отсутствие такого указания — это уже другой контекст, в котором причиной неаккуратного вождения может считаться не недостаток стажа, а, например, недостатки характера водителя. В данных терминах восприятие коммуникативного события должно быть релевантным его контексту.

Предложенная перспектива помогает частично избежать формализма при анализе коммуникаций. В то же время фрейм-анализ И. Гофмана не является единственным подходом, позволяющим включить структуру ситуации в модель коммуникации. Например, в теории Р. Шенка и Р. Абельсона совокупность предпринимаемых в данной ситуации коммуникативных действий опирается на текстовые ссылки (headers), отсылающие к характерным для данного контекста действиям, называемым скриптом [Schank, Abelson, 1977]. Преимуществом теории фреймов Гофмана является то, что она указывает не только на контекст коммуникации, но и на связь между похожими коммуникативными ситуациями. Если включить данный аспект в модель коммуникации, она позволит не только рассматривать коммуникативный смысл события в зависимости от контекста, но и определять отношение каждого контекста ко всем остальным.

Одной из основных задач фрейм-аналитика является поиск правил, согласно которым одно событие трансформируется в другое. Поэтому в поле зрения данной теоретической перспективы попадает не только различие контекстов, но и их трансформация. Этот случай с помощью социологии Гофмана можно охарактеризовать как транспонирование деятельности — перевод ее смысловой структуры в другой пласт реальности. Презентация доклада на научной конференции предполагает произнесение связного текста. При репетиции выступления перед зеркалом или родными содержание коммуникации не меняется. Однако она приобретает иное значение, связанное со значением настоящей презентации: коммуникация направлена на эффективную трансляцию полученного научного результата в аудиторию. При транспонировании уже осмысленная деятельность осмысляется с точки зрения трансформации контекста. Трансформация контекста обозначает изменение системы фреймов, в рамках которой деятельность интерпретируется. Транспонирование представляет собой форму смысловой связи между контекстами.

Это приводит к кажущемуся парадоксу, поскольку создается ощущение, что при транспонировании деятельности участник коммуникации находится одновременно в двух контекстах: в первоначальном, определяющем базовый смысл ситуации, и последующем, придающем ситуации новое значение[1]. Так, репетиция выступления на конференции включает в себя как смысл презентации, так и смысл подготовки к ней. Парадокс снимается, когда трансформированные контексты рассматриваются как *нереальные*, каким бы *реалистичным* ни был опыт их переживания. Гофман отмечает, что существует взаимосвязь между фокусом нашего внимания и ощущением текущего отрезка деятельности в качестве «реального». Его версия фрейм-анализа направлена на объяснение, при каких условиях мы считаем нечто реальным[2]. Применение теории фреймов Гофмана к транспонированным контекстам поможет концептуализировать опыт *присутствия* в них. Это позволит сделать похожие контексты различимыми в модели коммуникации.

Социологию Гофмана можно рассматривать через различение присутствие/отсутствие. В частности, так поступает Э. Гидденс [2005]: «Гораздо интереснее, с нашей точки зрения, рассматривать труды Гофмана как имеющие отношение к распределению отношений пересечения присутствия и отсутствия в процессе социального взаимодействия». Однако Гидденс трактует присутствие и отсутствие как характеристики, основанные на общности пространства и времени. Это сужает сферу анализа. С помощью транспонирования могут быть связаны не только пространственно-темпоральные перспективы (например, телефонный разговор — транспонирование разговора лицом к лицу), но и независимые от пространства и времени контексты (игра в дочки-матери — транспонирование реального освоения социальных ролей). Остается не до конца проясненным, что означает быть присутствующим или отсутствующим. Простое констатирование связи слишком абстрактно. Анализ присутствия/отсутствия в пространственно-временных категориях ограничен. В рамках данной работы мы определяем присутствие в категориях гофмановского фрейм-анализа.

---

1 Гофман различает первичные и вторичные системы фреймов (primary and secondary frameworks). Под первичными системами фреймов понимаются наиболее общие схемы интерпретации, до применения которых деятельность или событие не являются осмысленными. См. Гофман И. Указ. соч. С. 81–100.

2 Здесь Гофман следует прагматизму У. Джемса. См. *James W.* The Perception of Reality // James W. The Principles of Psychology. Vol. II. N. Y.: Dover, 1950. P. 283–322.

1. Присутствие в контексте: вовлеченность и медиация

Присутствие — это в первую очередь фреймированный опыт. С помощью фреймов происходит интерпретация того, что значит находиться в определенной ситуации. По выражению К. Хитер, «присутствие требует контекста» [Heeter, 2003]. Фрейм репрезентирует контекст и определяет ситуацию, а также маркирует среду ее протекания. Хотя фрейм и представляет контекст, он не ограничивается только характеристиками ситуации, на основе которых осуществляется интерпретация. «Фрейм, однако, влияет на нечто большее, чем значение [деятельности]: он организует также участие в ней. В процессе деятельности ее участники обычно не только получают живое ощущение смысла, но и в какой-то степени бывают захвачены, увлечены и поглощены делом» [Гофман, 2004, с. 435]. Второй стороной понятия фрейма является понятие вовлеченности. Соответственно присутствие можно также определить через вовлеченность.

Поясним это с помощью примера. Человек приходит на концерт. Он может ощущать себя присутствующим на выступлении, даже если исполняемая музыка его не интересует. Релевантна форма опыта, а не его содержание. Однако форма и содержание находятся во взаимосвязи. Ощущение присутствия будет утеряно в двух случаях. Во-первых, если произойдет нарушение фрейма, например музыка не будет соответствовать обстановке. Человек приходит на академический концерт в филармонию, а вместо этого на сцене исполняют блатные песни. Как следствие будет потеряно ощущение присутствия на концерте классической музыки. Во-вторых, если музыка настолько не интересна слушателю, что теряется поглощенность (engrossment) деятельностью и внимание перемещается на окружающую среду (слушатель начинает наблюдать за публикой), ощущение присутствия на концерте будет потеряно и в этом случае. «Слушатель-европеец может точно знать, что исполняется индийская музыка, он даже может знать, что звучат инструменты сарод и табла, и все-таки оставаться (и проявлять какие-то видимые симптомы этого) чуждым миру, в который его должно было погрузить слушание» [Гофман, 2004, с. 436]. Тем не менее, опыт как целое, а не только музыкальное исполнение удерживает внимание, поэтому присутствие ощущается, несмотря на скучную музыку.

В категориях фрейм-анализа присутствие может быть определено как фреймированная вовлеченность. Чтобы добавить к этому противоположный феномен отсутствия, необходимо использование концепта медиации. Для этого обратимся к дефиниции присутствия в посвященной этому вопросу литературе. М. Ломбард и Т. Диттон определяют присутствие как «перцептивную иллюзию не-медиа-

ции»[1]. Данное определение соответствует глубокой вовлеченности. Некто настолько захвачен средой, созданной посредством медиации, что у него возникает иллюзия не-медиации, т. е. он не осознает, что находится во фрейме медиации. Например, разговор по телефону для нас кажется настолько естественным, что мы просто забываем о наличии посредника-трубки. Напротив, если мы вообще не вовлечены в деятельность, она кажется нам бессмысленной. Например, если мы не фанаты футбола, он расценивается нами как бесполезная трата времени. Однако при просмотре футбольного матча мы, как правило, не задаемся вопросом, зачем одиннадцать человек, одетых в цветные шорты и гольфы, бегают за каким-то круглым предметом.

Пласты социальной реальности связываются между собой с помощью различных средств (медиаторов), в результате чего возникает эффект присутствия[2]. Максимальная вовлеченность в какую-то область действительности предполагает иллюзию, что разделенные локальности являются связанными без медиации[3]. Мы забываем о том, что общаемся друг с другом посредством языка с еще большей легкостью, чем не замечаем телефонную трубку. Мы увлеченно играем в компьютерную игру, как будто между нами и персонажем нет экрана, и забываем о том, что игре предшествовал процесс транспонирования. Мы платим налоги, не задумываясь о том, что есть власть как медиум успешной коммуникации. Таким образом, придание деятельности смысла основано на иллюзии не-медиации.

2. Присутствие в контексте: фабрикация не-медиации

В аналитической схеме Гофмана [2004, с. 145] иллюзии относятся к самостоятельно навязанным себе фабрикациям, самообману (self-imposed fabrications)[4]. Это не обязательно негативный феномен, обо-

1 Rettie R. Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // 7th Annual International Workshop on Presence. Presence-2004 Conf. Proceedings (Valencia, October 2004). URL: http://eprints.kingston.ac.uk/2098/1/Rettie. pdf (дата обращения: 21.08.13).

2 Такими медиаторами в теории А. Щюца являются знаки и символы, у Н. Лумана — символически генерализованные средства коммуникации.

3 Под локальностью здесь понимается любое положение феномена, не связанное ни с каким другим. Например, мы можем отдельно рассматривать прошлое и будущее (как локальности), хотя между ними и существуют смысловые связи. Эти связи не находятся ни в прошлом, ни в будущем. По аналогии мы можем провести и другие локальности.

4 Под фабрикацией Гофман понимает ситуацию, когда кто-то из участников взаимодействия не знает реальное содержание фрейма.

значающий ошибочный ввод себя в заблуждение. Гофман указывает на то, что есть благонамеренные и эксплуататорские фабрикации. Они отличаются тем, что в первом случае обеспечивается соблюдение интересов индивида (и даже общества, добавляет Гофман), а во втором им наносится ущерб. Иллюзия не-медиации относится к фабрикации, которая обеспечивает тесную связь между локальностями и тем самым поддерживает смысловую целостность контекстов. Если мы не способны забыть о медиаторах нашего действия, мы не можем в полной мере ощутить присутствие в контексте. «Есть некоторые основания полагать, что человек разными способами может активно противостоять собственной способности правильно выбирать фрейм и реалистично ориентироваться в мире» [Гофман, 2004, с. 174]. Чтобы ощутить присутствие, нужно забыть о средствах, делающих это присутствие возможным, т. е. о фрейме медиации.

В примере с прослушиванием музыки мы указали на то, что присутствие на концерте может ощущаться, даже если не наблюдается максимальная вовлеченность в деятельность. Иными словами, фабрикация не-медиации может иметь разную степень. Человек, который на концерте жадно ловит каждый звук, полностью забывает о том, что сделало этот опыт возможным. Скучающий слушатель может равнодушно анализировать усилия музыкантов и работников сцены по погружению публики в мир искусства. В зависимости от степени фабрикации можно выделять и разные типы присутствия.

Присутствие — это ощущение бытия в каком-то месте. В этом смысле полезно различать места (places) и пространства (spaces), как это делает Гидденс [2011, с. 131–133]. Места — это физическое окружение социального взаимодействия. Пространства отделены от конкретного места, в них происходит взаимодействие (физически) отсутствующих других. Люди занимают пространства, но действуют на конкретных местах. Опосредованная коммуникация, напротив, протекает в пространствах, а не на местах. Участники телефонного разговора фреймируют свое взаимодействие как протекающее в пространстве. Это помогает объяснить, почему люди часто ведут личные разговоры в общественных местах: участники разговора перемещаются в некое пространство, осознаваемое как приватное. В случае если окружающая среда воспринимается в качестве пространства, а не места, нет никакого противоречия в том, чтобы находится в двух местах одновременно.

В зависимости от того, ощущаем ли мы себя в определенном месте или пространстве, можно разделять присутствие буквальное (физическое соприсутствие) и небуквальное (созданное с помощью медиации). Небуквальное присутствие предполагает иллюзию не-медиации. Однако степень этой фабрикации может варьироваться. Среди небуквальных типов присутствия Ч. Чжао специалист в области

взаимодействия человека с компьютером, выделяет отдаленное (remote) и виртуальное (virtual) [Zhao, 2003][1]. Он утверждает, что первое создает ощущение бытия «там», в месте за пределами актуальной физической досягаемости. Второе характеризуется ощущением бытия в другом пространстве. В первом случае действительно небуквальным является ощущение бытия, во втором — пространства.

В телефонных разговорах ощущаются оба типа присутствия [Rettie, 2005]. Телефонный звонок соединяет два физически отдаленных места, и отдаленное присутствие другого человека ощущается в каждом из них, как если бы люди находились рядом и просто разговаривали. Вдобавок к этому существует некое «место встречи», общее виртуальное пространство. Оно воспринимается как место, хотя на самом деле является пространством (это чувство еще более усиливается, когда виртуальная среда более инструментализирована, например, в разговорах по скайпу). Вполне возможно ощущать себя одновременно и в физическом, и в виртуальном пространстве. Это происходит благодаря тому, что для успешного взаимодействия участнику достаточно быть вовлеченным только в одно из пространств. Теоретически, чтобы создать присутствие в каком-то из социальных миров, нужно быть отсутствующим в физическом мире с точки зрения вовлеченности. Для чувства присутствия существует предельная величина распределения вовлеченности между различными местами и пространствами. Мы не можем разговаривать по телефону в метро, так как шум поездов делает нашу вовлеченность в физическое окружение слишком большой, для того чтобы разделить ее еще и на пространство телефонной коммуникации.

Степень фабрикации не-медиации зависит от того, в каком именно пространстве сейчас ощущает себя индивид. В музыкальном примере невнимательный слушатель ощущает себя в физическом пространстве, и поэтому степень его фабрикации не-медиации низкая. Любитель музыки вовлечен в пространство искусства — степень его фабрикации высокая. Более того, ощущения отдаленного и виртуального присутствия создаются разными типами фабрикаций. В одном случае мы почти полностью погружены в иллюзию не-медиации, в другом — мы фабрикуем медиацию как пространство особого рода со своим модусом присутствия. Тип фабрикации будет зависеть от природы и количества пространств, которые создаются в результате медиации. С помощью метафоры присутствия/отсутствия можно включить в модель коммуникации тип и степень фабрикации не-медиации, которая определяет ее специфику.

---

1 HCI — Human-Computer Interaction: (Исследования) взаимодействия человека и компьютера.

3. Присутствие в контексте: фабрикация вовлеченности

Рассмотрение проблемы присутствия и отсутствия в категориях фрейм-анализа привело нас к исследованию понятия вовлеченности. До этого мы определили, что вероятность интерпретации ситуации в определенном фрейме зависит от ее релевантности контексту. При этом в релевантном контексте может наблюдаться корректная интерпретация ситуации и низкая степень вовлеченности (как в примере со скучающим слушателем). Недостаток вовлеченности ведет к обессмысливанию деятельности с точки зрения наблюдателя. В этом случае осмысленное событие осмысляется как бессмысленное. Однако если дело обстоит так, вероятность интерпретации не может быть представлена как функция от контекста, потому что при релевантном контексте возможна интерпретация, не предполагаемая фреймом (организаторы концертов рассчитывают на то, что им удастся перенести публику в мир искусства).

Эта проблема вытекает из недифференцированности контекста. Его составляют материальные и нематериальные факторы, влияющие на процесс фреймирования. К нематериальным факторам относятся разного рода нормативные ожидания, например, правила поведения в общественных местах. Среди совокупности ожиданий в контекст включаются и нормативные ожидания о вовлеченности. «Фреймы заключают в себе ожидания нормативного характера относительно того, насколько глубоко и полно индивид должен быть вовлечен в деятельность, организуемую этими фреймами» [Гофман, 2004, с. 435]. Следовательно, релевантность по отношению к контексту будет означать также необходимость *демонстрации* должной степени вовлеченности.

Важно отметить, что речь идет именно о демонстрации, а не о реальной вовлеченности. Понятное дело, что человек не может внезапно проникнуться музыкой только потому, что от него этого ожидают, зато он может притвориться. Низкая степень фабрикации не-медиации ведет к необходимости фабрикации вовлеченности. Это создает еще одно пространство присутствия. Фиктивное поддержание вовлеченности само по себя является оксюмороном, потому как присутствие будет ощущаться индивидом в пространстве фабрикации, а не деятельности. Поэтому такие фабрикации зачастую являются конвенциональными и служат поддержанию «порядка взаимодействия». «Независимо от того, недостаточно или избыточно вовлечен изучаемый индивид в данную активность, у него есть резон изображать вовлеченность, чтобы минимизировать разлагающее влияние своего поведения на других участников» [Там же, с. 436].

Конвенциональная природа фабрикации вовлеченности, впрочем, не влияет на осмысление ситуации действующим. Хоть индивид

и может изобразить участие, для него осуществляемая деятельность будет восприниматься бессмысленной, т. е. находиться в зоне отсутствия. С этой точки зрения представляется полезным разделять формальную и содержательную релевантность контексту. Первая из них будет соответствовать процессу интерпретации ситуации, в результате которого событие может быть объективно осмыслено. Второй тип релевантности будет обозначать субъективную осмысленность деятельности и относиться к позиции индивидуального наблюдателя. Приходится признать, что конструкция фрейма не включает содержательную релевантность. Чтобы ее учитывать, необходимо рассматривать индивидуальные и коллективные фреймы по отдельности.

Формализация транспонирования

С учетом всего вышеизложенного можно построить фрейм-аналитическую модель коммуникации. Она включает интерпретацию смысла коммуникативного события наблюдателем с использованием фреймов. «Тезис об изоморфизме» восприятия и воспринимаемого указывает на то, что ситуации, которые мы наблюдаем, уже являются осмысленными, и это влияет на способ фреймирования. Поэтому текущая интерпретация ситуации, осуществляемая с помощью выбора подходящего фрейма, помимо собственно интерпретации содержит в себе соответствие структуре ситуации, или релевантность контексту. В предложенной модели (фрейм = схема интерпретации + структура ситуации) не учтена вовлеченность в деятельность, которая, как и интерпретация, относится к позиции наблюдателя. Тем не менее, интерпретация и вовлеченность формируют разные типы осмысленности деятельности в зависимости от формальной или содержательной релевантности контексту. Из этого вытекает необходимость рассматривать их индивидуально. В результате позиция наблюдателя распадается на интерпретацию коммуникативного события в определенном фрейме и вовлеченность в него.

Более того, в отношении транспонированных контекстов для сохранения их смысловой целостности необходимо поддержание определенной степени иллюзии не-медиации. В категориях фрейм-анализа это означает, что интерпретация ситуации будет зависеть от степени и типа фабрикации не-медиации. Если степень фабрикации не-медиации низкая, возникает необходимость в фабрикации вовлеченности. Таким образом, позиция наблюдателя всегда будет характеризоваться двумя типами фабрикаций.

С помощью использования теории фреймов Гофмана можно представить модель коммуникации в виде формальной записи: фрейм = позиция наблюдателя + структура ситуации, где позиция наблюдателя = (фабрикация не-медиации) $_{x}^{y}$ (интерпретация наблюдателя)

+ (фабрикация вовлеченности) $^{z(y)}$ (вовлеченность наблюдателя), где нижний индекс *x* обозначает тип фабрикации не-медиации, а верхний индекс *y* — ее степень. Степень фабрикации вовлеченности *z* зависит от степени фабрикации не-медиации *y*: если человек замечает медиацию, значит, он недостаточно вовлечен, и ему необходимо изображать вовлеченность. Все это можно записать в математическом виде:

$$(1)\ F = obs + sit,\ obs = fabr_{x}^{y}(int) + fabr^{z(y)}(inv).$$

К сожалению, состав контекста не может быть прояснен, потому что в теории фреймов недостаточно для этого ресурсов. Гофман говорит о структуре ситуации в целом. Понятно, что ее может составить огромное число элементов. Стоит заметить также, что фабрикация вовлеченности *fabr (inv)* может не иметь места. Это ситуация, когда индивид действительно вовлечен в деятельность. Однако поскольку ее степень зависит от степени фабрикации не-медиации *fabr (int)*, случай максимальной вовлеченности может быть представлен при z=0.

В социологии уже предпринимались попытки формализации записи, отражающей процесс транспонирования. Л. К. Баптиста предложил следующую модель. Любой фрейм может быть представлен как соединение ядра, слоев и периферийного края *(rim)* фрейма [Baptista, 2003, p. 208]. В математической записи это выглядит следующим образом:

$$(2)\ F = I_{n+1}[I_n ... [I_2 I_1 [Io]]..],$$

где *Io* — это ядро фрейма, *F* — периферийный край, а индексы *I* — слои [Ibid., p. 380]. Проблемой этого способа записи является то, что в нем не учитывается ипостась фрейма в качестве структуры ситуации. У Баптисты он представлен только как интерпретативная схема. Здесь мы снова рискуем не учесть «тезис об изоморфизме».

В соответствии с нашей первичной концептуализацией фрейма как соединения позиции наблюдателя и структуры ситуации мы предлагаем форму записи, по смыслу подобную той, что использует Баптиста, но в которой ситуация выделена в качестве отдельного элемента:

$$(3)\ F = sit + (f^{n}(sit) + f^{n+1}(sit) + ... + f^{n+m}(sit)) = sit + \sum_{m=0}^{\infty} f^{n+m}(sit),$$

где *sit* обозначает структуру ситуации, или контекста. *f* с верхними индексами обозначает порядок транспонирования, который накладывается на структуру ситуации *f (sit): n* — начальный

порядок, *n + 1* — наслоение на него и т. д. Значение *m* существует в пределе от нуля до бесконечности, что свидетельствует о принципиальной безграничности трансформации деятельности f^{n+m}. *F* обозначает не периферийный край фрейма, а текущую интерпретацию в определенном фрейме. *F,* как текущая интерпретация ситуации, предполагает, что реализуются сразу не все смысловые возможности, предполагаемые предельным фреймом f^{n+m}, а только одна из них. При этом каждый следующий контекст будет основываться на предыдущем, включать в себя его смысл, что обозначается знаком суммы. С точки зрения внешнего наблюдателя в ситуации, где задействовано несколько систем фреймов, с разной степенью вероятности будет возможно несколько интерпретаций. В результате анализа мы пришли к выводу, что значение вероятности будет зависеть от формальной релевантности контексту.

Учитывая все вышесказанное, мы можем модифицировать нашу модель коммуникации следующим образом:

$$(4)\ F = sit + p\,(sit) * \sum_{m=0}^{\infty} f^{n+m}(sit^{n+m})$$

где *p* — вероятность той или иной интерпретации в зависимости от релевантности контексту *sit*. Поскольку под знаком суммы располагаются все возможные интерпретации, *sit* будет относиться к конкретной ситуации наблюдения *F,* а sit^{n+m} — к каждой ситуации, релевантной для конкретного фрейма f^{n+m}. Напомним также, что каждый фрейм *f,* независимо от его порядка, представляет собой сложное образование, равным образом как и контекст *sit*. Это значит, что внутренняя структура текущего фрейма, применяемого в коммуникативном процессе, с наибольшей степенью детализации может быть получена при соединении формул (1) и (4):

$$(5)\ F = sit + p\,(sit) * \sum_{m=0}^{\infty} (fabr_{x}^{y}\,(int) + fabr^{z(y)}(inv))^{n+m}(sit^{n+m})$$

Возможности и ограничения модели

Представленная формула отображает коммуникацию с учетом того, что актор одновременно интерпретирует ситуацию и участвует в ней. В результате удается включить вовлеченность, ключевую категорию теории фреймов, в формальный анализ процессов транспонирования. Обычно при попытках использования фрейм-анализа Гофмана вовлеченность и транспонирование рассматриваются отдельно (например, схема Баптисты не предполагает анализа режимов вовлеченности). Однако за утверждением «удается включить» кроются подводные камни. На самом деле в предложенной нами

модели возможен анализ не вовлеченности, а только ее фабрикации. Это происходит из-за того, что с точки зрения коллективного фрейма до определенных пределов не имеет значения, действительно ли участники вовлечены в деятельность или только притворяются. Впрочем, у нас все еще остается возможность рассматривать реальную вовлеченность в отношении позиции каждого индивидуального наблюдателя.

Тем не менее, интерпретации ситуаций благодаря «взаимности перспектив», «дополнительности ожиданий», отражения «перспектив в перспективах» и т. п. конгруэнтных обозначений одного и того же феномена никогда не могут рассматриваться как чисто индивидуальные. В каждой отдельной интерпретации необходимо учитывать рекурсивные структуры осведомленности (awareness). «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю...» — на основании этой бесконечной цепочки мы вступаем во взаимодействие с другими. Если при этом анализировать природу этих других, можно получить модель, описывающую также структуру ситуации. Это шаг к анализу структуры контекста. Существуют уже и способы формальной записи. Так, Т. Шефф [Scheff, 2005, с. 368–385] с опорой на схемы Л. Баптисты и советского математика В. Лефевра предлагает следующую модель — модификация формулы (1):

$$(6)\ F^3 = I^2_{n+1}\,[I_n \ldots [I_2 I_1\,[Io]] + I^1 \ldots] + I^1_{n+1}\,[I_n \ldots [I_2 I_1\,[Io]] + I^2 \ldots].$$

В этой формуле текущая интерпретация наблюдателя обозначена верхним индексом *3*. Интерпретация наблюдателя в момент коммуникации с другим человеком обозначена индексом *2*. Наконец, интерпретация собеседника обозначена индексом *1*. Данная модель акцентирует коллективную природу фреймирования. Ее развитие будет способствовать дальнейшей конкретизации фрейм-аналитической модели коммуникации, потому что в ее составе можно различать инициатора коммуникации и ее реципиента, а не просто говорить о коллективных наблюдателях.

Выработанная нами модель коммуникации (5) представляет собой попытку формализации записи, отражающей процессы транспонирования с учетом феномена вовлеченности. Шлифовка предложенной модели остается открытой для операционализации и прикладных исследований. Представленная математическая запись, скорее, является интуицией того, как можно использовать теорию фреймов Гофмана при построении модели коммуникации. Интуицию, которую мы попытались развернуть и аргументировать, хотя, возможно, нам пока не удалось придать ей требуемую наукой ясность и отчетливость.

Библиография

1. *Вахштайн В. С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в СПб, 2011.
2. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
3. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М: Академический проект, 2005.
4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. *Конецкая В. П.* Социология коммуникации. Учебник. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997.
6. *Baptista L. C.* Framing and Cognition // Goffman's Legacy/J. Trevino (ed.). Lanham, MD: Rowan & Littlefield, 2003.
7. *Heeter C.* Reflections on Real Presence by a Virtual Person // Presence, Teleoperators and Virtual Environments. 2003. No. 12. P. 335–345.
8. *James W.* The Perception of Reality // James W. The Principles of psychology. Vol. II. N. Y.: Dover, 1950.
9. *Rettie R.* Presence and Embodiment in Mobile Phone Communication // Psychology Journal. 2005. Vol. 3. No. 1. P. 16–34.
10. *Rettie R.* Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // 7th Annual Internat. Workshop on Presence. Presence-2004. Conf. Proceedings (Valencia, October 2004). URL: http://eprints.kingston.ac.uk/2098/1/Rettie. pdf (дата обращения 21.08.13).
11. *Schank R. C., Abelson R.* Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale; N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1977.
12. *Scheff T. J.* The Structure of Context: Deciphering «Frame Analysis» // Sociological Theory. 2005. Vol. 23. No. 4. P. 368–385.
13. *Zhao S.* «Being There» and the Presence Technology // Being There: Concepts, Effects and Measurement of User Presence in Synthetic Environments/G. Riva, F. Davide, W. A. Ijsselsteijn (eds). Amsterdam: IOS Press, 2003.